

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОММЕНТАРИЙ • ОБЩЕСТВО

Это все о любви?

Священник — о том, почему авторитетом церкви оправдывают семейное насилие

13:06, 2 августа 2025,

Андрей Мизюк

священник

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Я, пожалуй, признаюсь в одной своей нескрепной черте во время практики священника в былые времена. Думаю, не великая тайна, что любому священнику приходится разговаривать с людьми на многие весьма деликатные и очень интимные темы. Нет, здесь не про секс, хотя и об этом приходилось говорить, — но лишь в том смысле, что эта сфера не может регламентироваться представителями церкви. Слава Богу, апостол Павел четко обозначил мысль о том, что близость, равно как и молитва с постом, то есть духовная практика, обсуждается самими супругами, и все решения выносятся ими же самими. Но тут не об этом.

Одной из печальных тем, которую нередко приходилось поднимать в частных беседах, была тема домашнего, или семейного, насилия. Об этом, как вы, наверное, можете догадаться, чаще приходили поговорить девушки и женщины.

И если они приходили поговорить в церковь со священником, значит, разговор был о проблеме в семье, недалеко от церкви. Вот тут я иногда и предлагал нестандартные для священника решения: пробовать работать с семейным психологом, думать об обращении в полицию, а если нет обратной связи и вторая половина не видит проблемы, то советовал уходить, уезжать и немедленно разводиться.

Да. Именно разводиться. Потому что однажды поднявший/поднявшая (бывает и так) руку уже почувствовал/почувствовала ядовито-сладкий вкус легкой бескомпромиссной власти, отказаться от которой агрессору будет весьма непросто.

Впрочем, к насилию относится ведь не только физическое воздействие.

Всякое бывало. Бывало, что люди сами выправляли ситуацию, бывало, что именно честный разговор и желание услышать друг друга перезагружали отношения и дурное уходило в прошлое. Но это случаи совсем редки, и на моей памяти их было по пальцам посчитать, хотя, не скрою, восхищаюсь этими людьми. Там все преодолела настоящая и живая любовь, спасти которую хотели и пытались оба.

Я не берусь рассуждать о домашнем насилии в широком или — тем более — профессиональном смысле. Не специалист. Оно всегда отвратительно. Как, собственно, и любое насилие. И касается оно не только семейных пар, то есть мужа и жены, это разговор о семье в целом. Но вот что крайне странно.

Оказывается, именно происходящее в семье насилие находит оправдание в обществе. Ну, с оговоркой, что никому, дескать, не

следует лезть в частную жизнь.

Ох уж все эти «стерпится — слюбится», «бьет — значит любит», «бей бабу молотом...» и многие другие сомнительные пословицы и поговорки в оправдание... Впрочем, в «бей бабу молотом» речь вообще была про дороги на золотые прииски, да кто ж теперь помнит о том, что это все про сваи да труднопроходимые тропы через болота.

В эту тему, безусловно, требуется скрупулезное и ответственное погружение и в придачу необходимое образование, которого у духовенства часто, к сожалению, не хватает. В свое время именно в церковной среде были попытки создания реабилитационных и консультативных центров для жертв семейного насилия.

Некогда даже митрополит Иларион выступал против закона о декриминализации побоев. Однако чаще и громче звучали и звучат призывы не лезть «в частную жизнь» с опорой именно на церковь. И к сожалению, тема семейного насилия, в каком бы виде оно ни проявлялось, табуирована именно в церковной среде. Попробуем разобраться почему.

Христианство говорит о терпении как о добродетели. Это естественно. Ибо и «любовь долготерпит...» (1-е Коринфянам 13:4). Стоит ли, правда, исходя из этого, считать выражение «стерпится — слюбится» скрепой и основой христианского благочестия? Дети, запуганные тираном-отцом, тень матери вместо самой матери при муже и отце абьюзере, пожилая мать, которая в ужасе выполняет все прихоти самодура сына... Это все

о любви?

А если агрессор и тиран, допустим, отрастил бороду и надевает свежую рубашку перед походом в церковь, часами в красном углу дома выстаивает в «молитвенном подвиге»? Необязательно же он должен быть шаблонным разгильдяем и алкашом, который в поисках облегчения душевной боли от похмелья или ломки сметает вокруг себя все. А что если это благочестивое чудовище — еще и спонсор храма или даже целой епархии, награжден всевозможными грамотами и медалями за то и за се? Не бывает, скажете, такого?

Фото: Валерий Шарифулин / ТАСС

Церковные апологеты любят обвинять представителей нетрадиционных религиозных течений и сект в том, что те выдергивают из контекста слова Священного Писания. А сами представители традиционности в своих собственных интересах не часто ли занимаются тем же самым? А помимо этого, не они

ли опираются на поддержку государственной власти, изобретая методы борьбы с любым инакомыслием на уровне Уголовного кодекса? Так что же мешает и сторонникам «бить бабу молотом» опираться на церковь, вытаскивать из пыли «Домострой», позволявший, например, физическое насилие в отношении членов семьи ее собственному главе, обстреливать оппонентов библейскими цитатами и опираться на так называемые духовно-нравственные ценности, которые непременно надо от кого-нибудь защищать и желательно с оружием в руках?

(...)

Ведь ничто же не мешает олигарху ходить к исповеди и причастию, а потом перечислять средства на оружие, убивающее и калечащее людей. Так и маленькому домашнему тирану «простятся и разрешатся» его грехи. Главное, что каноны прочтены и соблюдены, утром пришел натошак и вообще большой друг настоятеля/благочинного/архиерея. А остальные могут и потерпеть.

Ведь Господь же тоже терпел?

Я не знаю, где найти выход из этого, и каким будет по силе очистительный огонь для нашей церкви, чтобы этот порочный круг был разорван. Да, мы на своем месте стараемся что-то менять, рассказывать, говорить правду, какой бы горькой она ни была. Но иногда хочется вспомнить и заключительные слова Откровения: «Ей, гряди Господи Иисусе». Ведь, кажется, без Твоего прямого вмешательства уже ничего и не изменить.

Фото: Антон Новодерёжкин / Коммерсантъ

Я недавно с ужасом смотрел интервью девушки 16 лет, которую склонил к близости священник Самарской епархии. Пока идут споры на тему, было ли там изнасилование или нет, мне кажется, случилось нечто намного более страшное. Поломана человеческая душа. Страшно и больно поломана. Девочка на вопрос журналиста, почему она не пошла к психологу за помощью, ответила очень просто: не было денег. Конфликт разведенных родителей вынудил подростка искать помощи взрослого на стороне, а в итоге она была окончательно раздавлена.

И еще раз повторюсь: неважно, действительно ли все именно так, как рассказывает эта молодая девушка, на самом ли деле она была именно силой принуждена священником к половому акту. Важно, что тьма нередко облекается в образ света и то, что может быть последней надеждой, становится ударом в спину тому, кто надеялся удержаться и не упасть.

И ответ за это нести придется. Тяжелый, мучительный. Особенно тем, кто должен быть опорой и защитой. Есть ли у нас еще силы обернуться назад и хотя бы вспомнить, как оно должно было быть на самом деле?